

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ российской педагогике: пути и перепутья

Александр Александрович Мурашов,
профессор, доктор филологических наук

Так сложилось, что во всех поражениях страны оказывался виноватым педагог; на триумфы его пускать не полагалось, хотя и знали, что и поражения, и победы немислимы без его, учителя, труда — незаметного, но постоянного и кропотливого. И учитель делал всё, чтобы жила страна, чтобы ребята её любили и были готовы за неё сражаться.

- литературные и школьные традиции
- слово педагога
- социальный заказ
- положительное программирование

Декабристы были воспитаны аристократами-французами, но прежде всего — зарождавшейся русской литературой «золотого века», Царскосельский лицей признан лучшим образовательным учреждением в мире. Но потом что-то произошло — и круг революционеров, «страшно далёких от народа», так никто и не пополнил. Взрывы во дворце?! — А разве это не то же самое, что сотрясает сегодняшнюю Россию? Но нет у нынешних «взрывников» ни пламенных сердец, ни горящих жаждой свободы глаз.

Традиции

Российский народ воспитывался в традициях другой педагогики, отправной точкой которой была

русская литература второй половины XIX века — невзирая на количество авторов и их творений, она не стала ни «золотым», ни «серебряным» веком. (Кстати, применительно к «серебряному» справедливы слова Р. Барта: «Литература подобна фосфору — ярче всего она горит тогда, когда готова сгореть окончательно».) Именно эта литература стала средством глобального программирования миллионов российских детей, формируя некие модели и идеалы, заставившие русских опустить руки, а российского орла — крылья.

У Достоевского своего рода апофеоз детской личности — мальчик «у Христа на ёлке». «Белые мальчики» Ф. Сологуба — тоже дети своего времени. Всем памятен чеховский Ванька Жуков, жалующийся

на жизнь дедушке. Во всём ему подобен Петька — герой Леонида Андреева. У того же Андреева хулиган Сашка («Ангелочек») превращается в тихое и покорное создание, обретя желанную ёлочную игрушку: «Медленно приближая ангелочка к своей груди, он не сводил с хозяйки сияющих глаз и улыбался тихой и кроткой улыбкой, замирая в чувстве неземной радости». А в школе ребяташки — будущие защитники России — заучивали:

Думает-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает,
Как она умрёт?

Это И.С. Никитин. Тот самый, для которого «родина православная» была неразлучна с тяжёлым трудом и неизбывным горем: только оно сопровождало его героев, мечтавших о могиле.

А помните Некрасова — «печальника горя народного»? И его стихи зубрили школьники — отцы наших дедов:

Ветер несёт им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет...

Можно утверждать, что школьная традиция, насаждавшая депрессивную, разрушающую сознание литературу, программировала детей на неудачу, бесполезность, нереализованность, порождая апатичных и равнодушных, с тупым безразличием укладывавшихся на лавку после тяжёлого дня на пашне, пустоты зимнего дня — или после того, как чёрные закопчённые фабричные стены (сравним: в Европе фабрики и заводы принято было отделывать плиткой жизнерадостных тонов или красить в светлые цвета) и грохочущие с неумолимым постоянством станки выпустят из своих объятий человека, а надрывный гудок прикажет встать за станки следующей партии без вины виноватых каторжан.

Жизнь может быть страшной, опасной, требующей мужества и самоотверженности, но если с детства человек слышит с чудовищным постоянством:

Закоптелые полати,
Чёрствый хлеб, вода,
Кашель пряжи, плач дитяти,
О, нужда, нужда! —

слышит и никитинские стоны, и некрасовские всхлипывания, — он, даже мечтающий о подвигах, опустит руки, заробеет перед горем, склонится перед неизбежной нуждой, на которую запрограммирован с детства. У человека с малолетства отбиралось главное — желание жить, стремление совершенствоваться, что приводило к невозможности быть хозяином своей судьбы, создателем жизни, её защитником и хранителем. Если это по традиции именуется «русской духовностью», то где ещё искать причину постоянной нищеты и нежелания её преодолевать? У русских были опущены руки, им внушали, что жизнь — череда бедствий.

«Человек обязан быть счастлив. Если он несчастлив — он виноват» — как поздно прозвучали эти слова Толстого! Как противоречила эта позиция кликушам и страдальцам, готовившим Россию, скрытую от мира «железным занавесом» плохо усвоенного православия, веками приучавшего быть рабами, к поражениям и позору! Долготерпение, жизнь-ради-страдания — разве это не патология?! И неужели учить жизни российских детей должны были те, чья собственная жизнь была чередой мыслимых и немислимых недугов, приводящих к запою, самоубийству, бегству от людей?! Воистину, «где ж вы, умелье, с бодрыми лицами?» Этот некрасовский вопрос остался без ответа: «сеятель знанья на ниву народную», учитель часто не имел своего угла, ночуя по избам зажиточных крестьян, — усталый от безрадостных дней, бессонных ночей, постоянной нужды; учитель, также под игом постоянной апатии, не имел ни времени, ни сил задуматься над тем, как его руками калечат поколение, обрекая его на жизнь как ожидание смерти!

Другое время — другие песни...

Слово управляет мировыми событиями.
А словом — педагог. Когда в начале

90-х, чуть больше десятилетия назад, участились нападки на армию, на игры в «войнушку», на «милитаризацию детства», ответом была деморализованная, нищая, голодная, бегущая из казарм и стреляющая своих сослуживцев армия. Правда, кротость ангелочков в этом «бешеном зареве трупов» (С. Есенин) мало кого привлекает, а церкви, где, как известно, в самые страшные годы войны 1941–45 гг. молились не только за победу, но и за «избавление от безбожной власти», привлекают людей, потерявших все ориентиры в жизни, — и только.

Почему победили в Великой Отечественной войне? В немалой степени — потому, что другие песни звучали над страной. «Возьмём винтовки новые!», «Броня крепка, и танки наши быстры!», «У власти орлиной орлят миллионы, и ими гордится страна!», «Бригантина поднимает паруса» — это стихи, на которые написаны песни. Их пела страна. Голодная и нищая, она поднималась, обретая сильнейший заряд оптимизма. Ведь стихи и песни, вся литература — рассказ не только о том, что происходит вокруг, но и о том, что будет, непременно будет, если очень захотеть.

Вставайте, люди русские,
На смертный бой, на грозный бой.
Вставайте, люди вольные,
За нашу землю честную!
(В. Луговской)

Если очень захотеть — Россия победит врага. Не замки и не церкви строились тогда — заводы и города в опасной близости друг к другу. Но иначе было нельзя: всё решали часы, минуты... Всё решали дети — завтра они отправятся в бой. Не за бывших приятелей на «Мерседесах», которые потом им, израненным, руки не подадут: за страну, которая, изнемогая от голода, войн и потрясений, воспитала их.

Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли!
(В. Лебедев-Кумач)

Миллионы мальчишек и девчонок становились тимуровцами, шли вслед за героями Гайдара, которые в напряжённом молчании слушали голос офицера — отца Жени: «Я клянусь тебе своей честью старого и седого командира, что ещё тогда, когда ты была совсем крошкой, этого врага мы уже знали, к смертельному бою с ним готовились. Победить его обещались. И теперь своё слово мы выполним». Пафосно? Высокопарно? Но с этой клятвой люди шли на подвиг, такая литература воспитала героев, победивших в героическом поединке с самым страшным врагом.

Но среди победителей были и люди, учившиеся в дореволюционной школе, и справедливо опасавшиеся долгими ночами визитеров из НКВД, и те, кто был новым крепостным, работал за трудовни, не имея права выехать из деревни. Людей, увидевших обратную сторону жизни, которая громыхала бравурными (и столь необходимыми для мобилизации всех сил) маршами, можно было ещё недавно узнать по своеобразному личностному коду — боязни брать и готовности отдать.

«Мне маленько!» — полупшепотом бабулька, покупая картошку.

«Посижу маленько!» — вздыхает другая, присаживаясь на край сиденья в автобусе.

«Отдохну маленько!» — перед тем, как лечь спать.

У неё есть деньги на мешок картошки; в автобусе спать можно сколько угодно. Но — «маленько». Человека приучили жить согнувшись, съёжившись, скорчившись, стесняясь самого факта своего существования. Боясь, что его увидят, услышат, что на него обратят внимание.

Это что, результат педагогического воздействия «печальников», готовых страдать даже там, где горя никакого нет, или чудовищный итог стремления жить там и так, где и как жить нельзя, боязни быть наказанным даже за то, что не запрещено?!

Ведь многим жизнь заменила колючая проволока на целые десятилетия. О них написаны книги, о них сложены стихи. Как и о тех стройках, которые созданы их трудом, — не потому ли они трудились, что и там, за колючим забором, слышали могучую поступь страны, слышали полные отважной гордости песни?

Изменился мир. Изменился человек. Информационное общество предъявляет к человеку другие требования. Вот только...

«Я маленько проеду», — нынешняя бабулька пытается влезть на подножку автобуса, но парень-кондуктор её выгоняет: «Жди бесплатного, а тут за деньги...».

«Маленько подожду», — говорит вполголоса старик, переводящий дух перед тем, как начать рыгаться в помойке.

«Маленько» как личностный код уже не действует, испуганно жмущиеся к обочине старики уступают дорогу тем, что привыкли «не тормозить», «не давать себе засохнуть», «жить на все сто», «ОБЛАДАТЬ» и проч. Что страшнее — апатичное, разрушающее человека, низводящее победителя до уровня бомжа «маленько» или вакханалия «выбравших «Пепси», потому что оно «наш характер» и нужно «работать, как «Энерджайзер»? Работать, не думая, выполнять, не размышляя? А разве это не то же самое? Разве не умирает в человеке, поступающем таким образом, творец, труженик, герой, защитник?!

Слово управляет мировыми событиями. И когда учитель знал, что социальный заказ — воспитать хозяев будущей страны, умных, честных и отважных, он это слово находил. И страна, понимая, что в руках учителя — её будущее, что от того, как преломится в сознании ребят слово писателя и поэта, зависит грядущий день, — страна любила своего учителя и верила ему. Как любила она солдата. Как верила писателю. Страну, которую воспитал «Тимур и его команда», победить было невозможно: она сражалась за своё будущее и была едина в своей борьбе.

И опять — другое время. Другие песни. Хорошие ли, нет ли, но другие. Только «дорога к храму» привела к борделю, и нужны титанические усилия, чтобы храм снова стал храмом, учитель — учителем, а солдат — солдатом.

Чтобы детство проходило не в постоянном страхе перед терактами и не возле экрана, с которого слышатся призывы: «Закатайте её в бетон!», «Выверите у него глаз!». Если слово, образ управляет миром, представляете, что способны содейть такие слова? Романтические образы братков, не менее романтические перестрелки, взрывы, убийства, когда отношение к человеку становится до предела очевидным?

Дети стали воспитывать друг друга; видя эту вакханалию, учителя жались к стенке, слушая по радио и TV, что один из них — педофил, другой — садист, третий — шизофреник... Демократизация школы зиждется на сознательной дисциплине, а не на заветном для разрушителей страны: «Делай всё, что угодно!».

Россию защитит учитель

Талантливые карманники, гениальные убийцы, лгущие в глаза ораторы и гиганты большого секса — не они защитят Россию! Её защитит... учитель. Тот, что преодолевает более крутые виражи, чем Шумахер, отбивает более сильные удары, чем Сафин, постоянно живёт в самой экстремальной ситуации, какой и представить себе не мог бы Шойгу. Учитель защитит Россию, пусть даже на борьбу со злом он выходит в одиночку, на что не способен ни омоновец, ни накачанный самбист-дзюдоист, привыкший чувствовать себя одним из команды, взвода, бригады. Но победа наступит не ранее, чем страна осознает, что он её защитник, а на экранах, обложках журналов, постерах с портретами выдающихся людей, «звёзд», появятся простые и честные, мудрые и отважные учительские лица, красивые даже после бессонных ночей.

Демократизация школы, проведённая на самом деле как шельмование учителя, как попытка подорвать его союз с учеником, — достойное продолжение депрессивной литературы и криминальных разборок. Воспитанные такой школой, ребята

понимают одно: как узник не будет сражаться за честь своей тюрьмы, так и они не будут отстаивать славу государства (читай: чиновников, нанятых и живущих на налоги), бросившего их и готового бросать всякий раз, когда будет трудно. Как государство по самой своей природе не может быть анархическим, то есть антигосударственным, так и школа не должна быть «демократической» в нынешнем понимании, не должна учить вседозволенности: рамки и препоны, чересчур тесные и неуклюжие, мешающие человеку расти и окружающие его десятками условностей и ненужных трудностей, уже не существуют; но без преодоления препятствий подлинный хозяин своей судьбы, умеющий и созидать, и отстаивать, не состоится. И потому среди молодёжи расправляет крылья патриотизм. Не как любовь к государству, а как естественное стремление сбиваться не в уголовные «бригады», а в команды, подобные тимуровским, в скаутские патрули и юнгардейские отряды.

Слово формирует душу

Ни искромётной литературы, ни программы, ни планов — нет. И потому продолжают они, граждане будущей России, метаться между откровенными призывами к бандитизму, как тропе к «изысканной жизни», рекламируемой и клипами, и передачами, и сериалами, и «массовой» литературой, — и желанием защитить эту многострадальную землю, охладить слишком горячие точки и вразумить излишне горячие (от безделья) головы.

Современная литература, особенно предназначенная для сценического интерпретирования, не отвечает этим стремлениям: уголовно-блатная тема доминирует как в текстах песен, так и в манере эстрадного исполнения:

Спрячь за решёткой ты вольную волю —
Выкраду вместе с решёткой, —

нам памятна песня Яшки-Цыгана из «Неуловимых мстителей». Но её римейк — хрипло-напуганный голос, развязная манера, уголовные интонации. Уже другая решётка, другая ситуация становится темой шлягера. Герой современного искусства слова — или отчаянно смелый,

или убегающий, или сентиментальный, потому что оторван от близких людей, бандит, не успевший стать ни бизнесменом, ни законодателем. Гордое «Я был на зоне» стало чем-то вроде аттестата зрелости. «Зона» — лучшая школа жизни в современных условиях: так воспринимают это подростки, чувствующие себя в школе затравленными волчатами, а дома — лишними ртами. То, что отвергают учителя и родители, на самом деле «круто», «классно», «понтово», под это можно «косеть», «шизеть», «отрываться», на худой конец — «стопудово торчать».

А может ли быть иначе, если безнравственное объявляется единственно нравственным, а незаконное — единственно законным, «правильным» («Правильный мужик, топтал зону от звонка до звонка!»)? И ушла в прошлое романтизация блатной субкультуры, как и некогда литературные всхлипывания: уголовное выступает во всей своей сущности — ему дано право «заказывать музыку», судить и оценивать, выносить благодарности и порицания.

И когда студентам говорят, что книги и сценическая речь определяют нормы языка, те смеются, оглядывая преподавателей глазами опытных психологов: «Ты поговори, а я...» Но они смеются над нашей беспомощностью, неимением целей, частично — и над тем, что слышат вокруг, что читают. А как быть детям, привыкшим к уголовно-блатному языку, к матерщине дома, во дворе, в школе, в книгах, на концертах? Им как быть?

Появится очередной «печальник» и примется всё это изображать, оказывая гипнотически-психотравмирующее воздействие. А может, вспомнить, что слово формирует душу? Что разорённая войной страна потому и показывала волшебную сказку в «Золушке», что и без специалистов знала: нужнее всего положительное программирование. Оно приведёт к реальным успехам, а серости и сырости всегда было предостаточно... Значит, нужна работа. Нужны новые орлята, новые тимуровцы — в контексте наших дней, более суровых, чем когда-либо. **НО**